„Пров 38“

Lauriers et Roses par Pierre Alissoff.
Лавры и Розы. П. Алисова.

Ш к
224761
Алисов
„Про

ЛАВРЫ И РОЗЫ

Alexandre II détails inédits sur sa vie intime et sa mort
par Victor Laferte.

I ш к
Алисов

I

Признаюсь вамъ, господа, я съ большимъ наслажденіемъ прочелъ игривую сказочку, мечтательную, сердечную исповѣдь княгини Юрьевской. Она, пригорюнившись, приговаривала и пришептывала, услужливый французикъ писалъ и округлялъ. Нѣжныя уста лепетали безсвязныя рѣчи, французикъ вязалъ и вышивалъ... Все тутъ есть:

Шопотъ... робкое дыханіе...
Трели соловья...
Серебро и колыханіе
Соннаго ручья.

Но, не смотря на всю благоуханность исповѣди, невольно возникаютъ вопросы: съ какою цѣлью книжечка выпущена на французскомъ языкѣ? предназначалась ли она для образованныхъ читателей или для однѣхъ „Нана“? имѣетъ ли

арабская сказочка о мудромъ и благочестивомъ Калифѣ претензію на историческій документъ, или она по просту лебединая, вѣрнѣе гусиная пѣснь, отставной разочаровавшейся въ своихъ планахъ помпадурши?

Не только цивилизованные люди въ Европѣ, но даже и наши урядники понимаютъ, что историческая оцѣнка монарха врядъ ли можетъ быть сдѣлана его преданною наложницею, что, кромѣ клубничныхъ добродѣтелей, существуютъ еще государственныя добродѣтели и преступленія. Для историка не особенно важно будетъ знать, какъ велъ себя Александръ II въ постелѣ и въ уютной дѣтской. Постельныя сцены немного смягчатъ убійственный приговоръ исторіи. Постель и помпадурша сами по себѣ, а страшныя злодѣйства сами по себѣ.

Самый умѣреннѣйшій либералъ, прочтя книжечку, навѣрное, согласится со мною, что она слишкомъ уже переполнена лакейскою преданностью и насквозь пропсосана феодальными воззрѣніями; что ею можно только въ конецъ загрязнить Александра II, но отнюдь не очистить.

Европейская публика не сплошная дворцовая лакейская или конюшня; выпуская панигирикъ, нужно было не забывать этого невиннаго обстоятельства.

Книжечка полна замысловатыхъ arrières pensées; она сшита очень скверно грубыми нитками; провести кого нибудь ею трудно.

Но, помимо воли автора, въ исповѣдь вкрались очень веселенькія картинки, и мы отъ себя сдѣлаемъ къ нимъ коротенькіе комментаріи.

На сколько хватитъ силъ, мы будемъ пропагандировать интересную исповѣдь; она послужитъ дополненіемъ къ за-

прещеннымъ статьямъ объ Александрѣ II, онѣ его рисовали злодѣемъ, княгиня Юрьерская нарисовала его шутомъ гороховымъ.

Упоминая о морганатическомъ бракѣ, кн. Юрьевская посвящаетъ нѣсколько страницъ дому Романовыхъ и Долгорукихъ. Совѣтую читателямъ, прежде чѣмъ углубиться въ родословный кладезь, на днѣ котораго валяется остовъ стараго крокодила, прочесть, недавно вышедшую на французскомъ языкѣ, замѣчательную книгу русскаго ученаго доктора П. Якоби: „Etudes sur la sélection dans les rapports avec l'hérédité chez l'homme.“ Оцѣнена она не одними дилеттантами, но и европейскими свѣтилами науки. Сомнѣваться въ ея безукоризненной, строгой научности не возможно. Книга очень суровая, и въ то же время, очень веселая, смотря съ какой точки на нее взглянуть; выводы изъ нея для всѣхъ родовъ, домовъ и привилегій получаются неожиданные и крайне раздирающіе. Прочти эту книгу французикъ, вышивавшій панигирикъ, и я ручаюсь, что онъ посовѣтывалъ бы кн. Долгорукой не вытягивать свой родъ въ тысячу лѣтъ, а, если можно, то сократить его на одно столѣтіе. Ей гораздо было бы выгоднѣе имѣть въ качествѣ дѣдушки не Рюриковича, но простаго го...чиста. Послѣ этой книги всѣ господа, ведущіе свой родъ прямехонько отъ лицъ несуществовавшихъ въ исторіи, должны смириться и весело признаться, что навѣрное не въ далекомъ прошломъ или кучеръ съ окладистой бородой, или смазлйвый лакей обновляли ихъ аристократическій родъ, а по женской линіи его совершенствовали Глаши, Даши, Акулины и проч. Не будь этихъ импровизированныхъ обновленій, аристократическіе юноши давно бы фигурировали en masse

въ сумашедшихъ домахъ или же обречены были бы на безплодіе, вслѣдствіе рѣзкаго идіотизма.

Если домъ, или правильнѣе хлѣвъ, Романовыхъ, произведшій порядочную дозу злыхъ кретиновъ, воровъ и сумашедшихъ, совсѣмъ не прекратился, то только благодаря тому, что онъ начинается съ Павла I. Сомнѣваться, что съ убіеннымъ Петромъ III окончательно обрывается хлѣвъ Романовыхъ, врядъ ли возможно.

Кн. Юрьевская находитъ, что Александръ II прелестно поступилъ, женившись на ней. „Le mariage tardif fut non seulement une réparation personnelle, mais encore une satisfaction donnée à l'honneur de la caste aristocratique tout entière.“ (86 стр.) — Je me sens fier d'avoir épousé une princesse Dolgorouky“, сказалъ Александръ II. (87 стр.)

Но хорошенькаго по немногу, въ 82 году долго говорить о Романовскихъ и Долгоруковскихъ отросткахъ и вѣткахъ болѣе чѣмъ неприлично, это своего рода outrage à la pudeur.

Описывая подробно послѣдніе часы и смерть Алекс. II, Юрьевская упустила маленькую характерную подробность, пополняю ее изъ календаря Суворина 1882, стр. 256. „Государь сказалъ: „накройте меня платкомъ“; и на замѣчаніе Кобелева, что платокъ грязенъ, вторично произнесъ: „Накройте“.

О, небеса! „все измѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ.“ Шапка Мономаха и засмарканный платокъ жандарма Кобелева! Не даромъ французская пословица гласитъ: les extrémités se touchent. Думалъ ли Іоаннъ, царь грозный, что священная шапка Мономаха, которую онъ съ благоговѣніемъ и

гордостью воздѣвалъ на помазанную богомъ главу, впослѣдствіи будетъ блистательно замѣнена, по требованію самого царя, засмарканнымъ платкомъ шпіона. Думалъ ли царь грозный, что въ концѣ концовъ народится въ Россіи царь, который совсѣмъ пожелаетъ обойтись безъ коронаціи!?

Юлій Цезарь завернулся въ тогу и палъ мертвый къ подножію статуи Помпея. Александръ II — къ ногамъ жандармскаго полковника Дворжицкаго. „И ты, Брутъ!“ воскликнулъ, умирая Цезарь..... „Возьмите его, сукина сына!“ скомандовалъ Александръ II.

Садясь въ коляску передъ смертью, Алекс. II, указывая перстомъ на петербургское небо, о которомъ далеко нельзя сказать:

„Сводъ неба былъ такъ лазуренъ, чистъ
И такъ блисталъ прозрачной красотой,
Что только богъ былъ ясно видѣнъ въ немъ.“

(*Сокъ.* Байрона)

произнесъ: „онъ одинъ можетъ спасти меня, если онъ отвернется, то меня никто не въ состояніи спасти.“

Какой трогательный упрекъ сказался въ этихъ, нѣсколько избитыхъ словахъ, по направленію къ тайной полиціи. 12 милліоновъ въ годъ, и все таки приходится обращаться къ небесному шефу жандармовъ!

Іегова, спасавшій его, неизвѣстно за что, пять разъ, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія, плюнулъ и сказалъ: „Шалишь, братъ, Алекс. II! умѣешь кататься, умѣй и саночки возить! Пробирайся къ чорту, у тебя есть своя полиція!“ Послѣ чего, онъ обернулся къ нему божественнымъ задомъ.... Александръ II взлетѣлъ.....

Народъ, пишетъ Юрьерская, бросился со стонами, клокотаньями, гоготаньями, завываньями, рыданьями собирать лохматки, съ мыслью хранить, ихъ какъ реликвію. По моему, немного трудно проникнуть въ души собиравшихъ лохматки; пословица говоритъ: чтобы узнать человѣка, нужно съѣсть съ нимъ пудъ соли. Полицейскіе служители одни въ состояніи въ одинъ мигъ прозрѣть сердце народное и обывательское, стоитъ только крикнуть градоначальнику, и ихъ орлиные очи тотчасъ же проникнутъ во внутренній міръ 90 мил. государства. Они не только въ одинъ часъ все прочтутъ, поймутъ, взвѣсятъ, но даже и успѣютъ докладъ составить въ участкѣ, и за тѣмъ разослать его во всѣ газеты. Мы, жалкіе смертные, въ безсиліи останавливаемся передъ ихъ чудеснымъ спиритическимъ ясновидѣніемъ. Можетъ быть толпа собирала бренные остатки для храненія, какъ реликвію, но и легко можетъ быть, что патріотическія души имѣли въ виду комерцію. Недаромъ носились и носятся всевозможные слухи. — Полковникъ Дворжицкій, увѣряютъ одни, въ одну зиму по дорогой цѣнѣ продалъ около 150 саней и на всѣхъ на нихъ ярко алѣла обожаемая кровь, и на всѣхъ на нихъ Освободитель ѣхалъ. По увѣренію другихъ, одинъ извѣстный жуликъ, подъ секретомъ, очень долго продавалъ обожаемую ногу; его поймали на шестидесятой ногѣ; при допросѣ онъ былъ наказанъ тѣлесно.

Но на этомъ безобразные слухи не остановились. Наша jeunesse dorée пустила въ обращеніе разсказъ о совершенно неожиданно найденной въ снѣгу столь священной реликвіи, что понадобилось ее показать кн. Юрьевской, какъ особѣ вполнѣ компетентной. Бросивъ косой взглядъ на реликвію, вдова,

краснѣя, воскликнула: „Клянусь мощами Александра Невскаго, это не принадлежитъ моему Александру!“ На слѣдствіи открылось, что это даже не реликвія, а такъ, чортъ знаетъ что такое и принадлежитъ *онъ* пострадавшему при взрывѣ злополучному Кобелеву.

Недоумѣвая, откуда берутся подобные слухи, я въ исповѣди напалъ на тотъ базисъ, на которомъ созиждился фантастическій разсказъ.

„Офицеръ началъ раскапывать снѣгъ, и, къ удивленію, нашелъ маленькій пальчикъ съ ножки Алекс. II. Онъ спряталъ его въ шкаликъ, наполненный сивухою, и затѣмъ приподнесъ безутѣшной вдовѣ.“ (56 стр.)

На страницѣ 25 разсказывается трогательная, припахивающая шантажемъ, исторійка: Монархъ, произнесшій памятныя слова: „Но только безъ иллюзій“, въ день смерти подписалъ таинственную бумагу, въ ней таилась ячейка, изъ которой, при очень благопріятныхъ климатическихъ и гигіеническихъ условіяхъ, могла бы въ нѣсколько десятковъ лѣтъ пышно развернуться конституція, не хуже, а, можетъ быть, даже и лучше турецкой. Конечно, послѣ такого открытія, цѣлая страница, полная слезъ и проклятій, посвящается крамольникамъ. Не захотѣли злодѣи сотенку, другую, лѣтъ подождать! не захотѣли лишній десятокъ лѣтъ пожуировать по тюрьмамъ!

Бумаги освободительнаго характера, подписанныя тотчасъ же послѣ смерти или въ день смерти, уже не разъ пускались въ ходъ конюшенными историками, но, — увы! — любезное клише совсѣмъ истерлось; возобновлять его внѣ Россіи никто не рѣшается: слишкомъ уже жалобно и смѣшно.

Упреки крамольникамъ совершенно неожиданно кончаются истерическимъ бредомъ. Народъ, жалуется Юрьевская, черно неблагодаренъ; Алекс. II освободилъ его, и — о ужасъ! — изъ его среды вышли его убійцы... Головы нашихъ дворцовыхъ умалишенныхъ отлично переваривaютъ коронованнаго, мягкотѣлаго злодѣя, утопавшаго въ роскоши и похотяхъ, сосавшаго мозгъ изъ костей народа, губившаго все сильное и честное. Алекс. II — явленіе нормальное, законное; несчастный народъ, выдвинувшій изъ себя послѣ столѣтій рабства самоотверженныхъ героевъ-освободителей, выражаетъ собою злобу и неблагодарность. Алекс. II — Богъ Саваоѳъ, народъ — Іовъ; онъ всевышній можетъ все дать и онъ же всевышній — все взять.

Я начинаю вѣрить, что Долгорукая ведетъ свой родъ отъ Рюрика. Но Рюриковскія воззрѣнія не слѣдовало бы показывать въ свѣтъ, а хорошенько и хорошенько припрятать.

„Я такъ счастливъ, сказалъ Александръ II незадолго передъ смертью, обращаясь къ Юрьевской, что я боюсь моего счастья.“

Фраза не отличается новизною и оригинальностью, помнится, ее произнесъ Иванъ Выжигинъ (герой Ѳадея Булгарина), прощаясь съ Вильгельминою, дочерью дворцоваго колбасника.

Да, слащавый селадонъ! помимо твоей воли, тебя давили 24 висѣлицы; предсмертный хрипъ замучиваемыхъ часто врывался ужаснымъ диссонансомъ въ твое голубиное воркованье. Саваны, черные гробы, обезображенныя муками лица непрошенные, вставали передъ тобою, отравляли старческія похоти.

По показанію Юрьевской, послѣ нѣсколькихъ дерзкихъ

покушеній Александръ II часто спрашивалъ у окружающихъ: „Чего хотятъ отъ меня добрые нигилисты?“ и онъ вперялъ телячій взоръ въ даль, какъ бы стараясь разрѣшить удручающую его проблему.

Немногаго, могли бы отвѣтить нигилисты. Мы не хотимъ, добрый, самодержецъ, висѣлицъ, палачей, полицейскихъ собакъ, тюремъ, пытокъ, сатраповъ, урядниковъ, грабежа народа, удавленія свободной мысли.

Описывая похороны, она восклицаетъ: „свѣжіе, натуральные цвѣты посыпались на его гробъ de tous les points de l'empire.“ (72 стр.)

Прошу вспомнить: пасажъ произошелъ въ мартѣ; хамскій, жаркій энтузіазмъ растопилъ снѣгъ въ самой Сибири и льды въ Ледовитомъ океанѣ; халуйская теплота вызвала южные цвѣты по всей Россіи въ началѣ марта.

Сынъ повѣшеннаго декабриста, генералъ Рылѣевъ у гроба Александра II впалъ въ атеизмъ, пересталъ креститься; произносилъ проклятія. Думали ли вы, революціоеры, что мощная пропаганда зайдетъ такъ далеко, и самъ вѣрный генералъ Рылѣевъ, у гроба Александра II, впадаетъ въ нигилизмъ!?

Но вы, конечно, спросите: каковъ вырисовывается Александръ II изъ безпристрастной книжечки.

— Не царь, а цаца. Былъ онъ нѣжнѣе сизаго голубя, кротче курчаваго барашка, религіезнѣе Тихона Задонскаго. Онъ былъ хорошъ, какъ Аполонъ; таинственъ, какъ быкъ Аписъ; находчивъ и дальновиденъ, какъ Протей; совѣсть его была чище, свѣтлѣе бѣлоснѣжнаго ложа Діаны.

Онъ былъ храбрѣе Ричарда львинаго сердца и передалъ онъ свою львиную храбрость Александру III-ему.

Онъ былъ изящнѣе Людовика XIV, шаловливѣе Генриха IV; подобно ему, онъ носилъ малютокъ на плечахъ и катался съ ними кубаремъ по полу.

Его обожали дворяне и онъ любилъ дворянъ. — Въ него влюблены были купцы, мѣщане и кабатчики, и онъ снисходилъ къ нимъ. — Его боготворили добрые русскіе мужички, и онъ разрѣшалъ боготворить, но съ непремѣннымъ условіемъ: чтобы хамы не зазнались.

Изъ 224 страницъ 150 посвящены амурамъ и помпадурству. Картина семейнаго счастья, послѣ морганатическаго брака — „пѣснь о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ“ лимбургскимъ сыромъ пахнетъ.

Коварные люди кричали: „Алекс. II высосалъ всю кровь изъ государства и довелъ его безумными тратами до банкротства. Оказывается, что бѣлый царь всея Руси жилъ въ темномъ корридорчикѣ, спалъ на матрацѣ твердомъ какъ доска и жидкомъ какъ блинъ. Онъ ѣлъ свинство и цѣлые дни зябъ. У него, въ Царскомъ Селѣ, въ турецкомъ кабинетѣ иногда дымилъ каминъ. Благодаря Юрьевской, онъ сталъ ѣсть свѣжую питательную пищу, спать на мягкой постелькѣ; это она отогрѣла его своимъ дебелымъ тѣломъ.

Въ Царскомъ Селѣ, послѣ морганатическаго брака, вдругъ пересталъ дымить каминъ.

Говорили: Алекс. II лютый пьяница; на самомъ дѣлѣ онъ пилъ одну содовую воду (содовая вода — вода подозрительная).

Всѣ кричали: Александръ II распутникъ. Онъ превратилъ Смольный монастырь въ публичный домъ; къ нему таскали

безъ мѣры и числа балетчицъ, актрисъ, фрейлинъ, дворянокъ и купчихъ (мужичекъ выносить не могъ).

На самомъ дѣлѣ — онъ былъ цѣломудреннѣе Ньютона, и если онъ отпробовалъ, прежде чѣмъ приступить къ Юрьевской, ея сестру, то не болѣе, какъ съ высокою чистою мыслью: сравнить ихъ, и затѣмъ, отдать всѣ преимущества послѣдней.

По общему мнѣнію, покойникъ еле умѣлъ читать; изъ лириковъ онъ зналъ одного Баркова, изъ романистовъ — Ѳадея Булгарина, изъ ученыхъ — одного Побѣдоносцева.

На самомъ дѣлѣ Алекс. П былъ талантливый беллетристъ, фривольный фельетонистъ и замѣчательный ученый; на твердомъ, продырявленномъ стулѣ онъ сидѣлъ цѣлые дни и ночи, зарывшись въ книги. Онъ очень любилъ пописывать фельетоны, всѣ статейки въ „Новомъ Времени“ подъ псевдонимомъ „Незнакомецъ“ принадлежатъ ему; злые придворные, пользуясь его ученою разсѣянностью, подкладывали смертные приговоры крамольникамъ; онъ подмахивалъ ихъ, думая, что подмахиваетъ фельетонъ.

Денегъ у помазанника божьяго никогда не было, часто не на что было выпить; онъ занималъ на право и на лѣво и кредитора нестерпимо отравляли жизнь бѣдняжки. 30 милліоновъ въ годъ шли на друзей и знакомыхъ.

И въ то же время, благодаря экономіи и оборотамъ, онъ оставилъ три милліона рублей Долгорукой, 65 милліоновъ — министерству двора и сотню милліоновъ убогому семейству. Имѣя около 200 мил. въ запасѣ, можно было бы легко обойтись безъ займовъ, но, повидимому, расчетливый монархъ накопленныя деньги отдавалъ подъ недозволенные проценты, а у друзей занималъ безъ процентовъ.

Плачь, муза, плачь!!

Гатчинскій храбрый Роландъ, въ виду ярой экономіи, отмѣнившій пуговицы на солдатскихъ штанахъ, назначилъ осиротѣвшей, пущенной по міру Юрьевской 100,000 руб. въ годъ и купилъ для нея у сына Константина мраморный дворецъ (107) стр., а на женскіе медицинскіе курсы приходится по копѣечкѣ собирать, къ частной помощи прибѣгать!!...

Лупите смѣлѣй шкуру съ несчастной Россіи! долой мясо съ костей! Романовская шайка, на случай революціи, капиталами запасается.

Законные дѣти сатаны, господа крамольники! за что заклали вы агнца пасхальнаго? поразили отравленною стрѣлою горлинку?

Разбитые въ конецъ доводами книжечки, мы, какъ утопающіе, хватаемся за соломинку, и въ отчаяніи восклицаемъ:

Но куда же провалились висѣлицы, пытки, тюрьмы, урядники, сатрапы, полицейскіе разбойники, соленыя розги, выколачивающія изъ пустоты недоимки?

Если каждый крестьянинъ, благодаря Освободителю, имѣетъ курицу въ супѣ, то кто же выдумалъ лебеду?

Вздоръ, господа! то былъ ужасный сонъ..... вальпургіева ночь, нами пережитая и переживаемая не болѣе какъ страшная декорація, балетная картинка!

Оглянитесь кругомъ: совы давно разлетѣлись, и кругомъ поютъ соловьи; мракъ навсегда разсѣялся, и насъ слѣпитъ солнце свободы; Дантовскій адъ намъ приснился, мы живемъ между тигромъ и..... въ Эдемѣ.

II.

Прошу извинить меня за желаніе посвятить одну страницу, пока двумъ лицамъ, или вѣрнѣе мордамъ. Я считаю полезнымъ время отъ времени заносить въ мой журналъ субъектовъ, умудрившихся, въ годины позора, перещеголять своихъ литературныхъ собратовъ, — тѣхъ гадовъ, которые, желая подслужиться, выплеснули изъ себя непомѣрно, сверхъестественно много холопской подлости.

Очень интересно было бы сгруппировать въ отдѣльной книгѣ все, что строчилось по поводу извѣстныхъ событій съ 1877, то будетъ драгоцѣнный, готовый матеріалъ для психіатра и историка, и въ то же время это необходимо для будущаго.

Кромѣшная тьма, насыщенная отвратительными призраками, не есть норма жизни; она неизбѣжно разсѣется, и тогда наши пресмыкающіеся червячки, сбросивъ ветхія личинки, выпорхнутъ на солнышко пестрыми бабочками и начнутъ пить сладкій сокъ душистыхъ цвѣтовъ. Честный человѣкъ обязанъ будетъ поймать перепархивающаго съ цвѣтка на цвѣтокъ мотылька и посадить его на булавку безъ сожалѣнія.

Не только будущее поколѣніе, но даже и наше, очнувшись отъ безсмысленнаго кошмара, будетъ, сгорая со стыда, перечитывать все написанное со дня покушенія Вѣры Засуличъ. Праведная казнь, обрушившаяся на палачей, вызвала въ газетномъ мірѣ изумительную, фантастическую массу невѣроятной низости, тупости, трусости и мракобѣсія. Передъ каждымъ мало мальски честнымъ человѣкомъ невольно вставалъ

вопросъ: откуда взялись цѣлыя полчища трусовъ и подлецовъ? Видимо, рабство нашло въ Россіи почву, полную перегноя, плоды уродились сторицею.

Въ такіе дни за человѣка становится страшно; слово превращается въ лязгъ зубовъ, и лохматый предокъ Горилла подымается во весь ростъ, во всемъ лютомъ безобразіи; начинаешь вѣрить не въ жизнь, а въ гробъ.

Великіе, чистые, хорошіе люди! кровью сочились ваше сердце и ваши раны, когда съ высоты позорной колесницы вы озирали толпу, съ скотскимъ равнодушіемъ провожающую васъ, ея искупителей, на казнь. Сотня разбойниковъ, вооруженная тесаками, держала десятки тысячъ людей въ рабскомъ остолбененіи!

Безграничное презрѣніе шевелилось въ измученной душѣ, когда до васъ изъ литературнаго лагеря доносились крики: „Распни! распни! пусть ихъ кровь падетъ на насъ и на дѣтей нашихъ“!

Рабство не проходитъ народамъ даромъ, оно растлѣваетъ до мозга костей. Кровь праведниковъ падетъ на насъ и на дѣтей нашихъ. Мы, не съумѣвшіе защитить ихъ своею грудью, мы, нагло предавшіе ихъ въ окровавленныя лапы воровъ и убійцъ, дорого, дорого заплатимъ въ будущемъ! Если бы не заражающій гной, но горячая кровь текла въ нашихъ старческихъ жилахъ, мы въ день казни разорвали бы въ куски мясниковъ, и позорное шествіе превратили бы въ тріумфальное! Мы разыскали бы въ подпольѣ трясущагося, свирѣпаго подленькаго дурачка Митрофанушку и вздернули бы его на приготовленной гнилой веревкѣ.

Полную, черезъ края льющуюся чашу позора мы не до-

пили, но только отвѣдали и,— охъ! — какъ солоны и горьки показались намъ первыя капли.

Дворянство земли русской, добровольно предлагающее себя въ шпіоны въ дни коронаціи, священныя дружины и охраны — только первый, настоящій глотокъ.

Кровь мучениковъ падетъ на насъ и дѣтей нашихъ!

Александръ III *Не*помазанникъ божій, умудрившійся, по истинѣ чудесно, пропрятаться годъ и семь мѣсяцевъ — достойное вознагражденіе за наши гражданскія доблести.

Царь-трусишка, царящій надъ трусами, представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ гармонію.

Побѣдоносцевъ, Игнатьевъ, Толстой становятся явленіемъ нормальнымъ послѣ 24 висѣлицъ Александра II и девяти Александра III.

Мы смиренно, подло терпѣли, лизали ноги за пытки, висѣлицы, сентябрскіе указы; благодарили за Игнатьева, — явился Толстой.

Когда въ воздухѣ несетъ стервятиной, изъ темныхъ лѣсовъ выбѣгаютъ голодные волки, отовсюду слетаются жадные вороны.

Обливаясь прохвостническими слезами, мы вопимъ на весь міръ: „Царская, непомазанная, выхоленная шкура для насъ дороже нашей ничтожной, грязненькой, вѣрноподданнической! 90 милліоновъ шкурокъ за одну романовскую! Ура! ура!

По дѣломъ намъ чума, дифтеритъ, черная оспа, холера, саранча, хлѣбный жукъ, Побѣдоносцевъ, Игнатьевъ, Толстой!

. . . . . .

Но отъ мрачнаго перейдемъ къ смѣшному. Полюбуйтесь,

до какого паденія дошла пресса, какія лица рѣшаются задавать тонъ!

Прочитывая „Новое Время,“ какъ единственнѣйшую въ своемъ родѣ газетку, я недавно напалъ въ фельетонѣ на слѣдующее громкое заявленіе:

„Вогъ уже два мѣсяца, какъ я не обозрѣвалъ литературы (и на здоровье, любезный!). Я блуждалъ по горамъ Кавказа.“ Подпись смѣшная: — Буренинъ. Не встрѣчая его фамиліи, я рѣшилъ, что онъ отсиживаетъ за порнографію въ чижовкѣ и ему не позволяютъ пѣть. Признаюсь, я недоумѣвалъ, такъ какъ канарейкамъ участка позволяютъ всласть пѣть всюду, и самая тюрьма для нихъ — сладкое лоно природы. Человѣкъ, защищающій порядокъ и soi-disant народную политику, а главное грязнящій молодежь, можетъ десять разъ убить и сто разъ украсть и такіе промахи сдѣлаютъ его еще болѣе неоцѣненнымъ въ глазахъ русскаго правительства: оно уже не будетъ бояться, что онъ перейдетъ къ врагамъ.

Душка *) изъ суворинскаго увеселительнаго заведенія вздумала немножко поблуждать по погибельному Кавказу и по этому поводу выдвигается афиша, гласящая: „Я возвратился и, съ божьей помощью, снова принимаюсь за умоблудіе.“ Порнографическая стряпня носитъ дерзкое и непонятное названіе: „Обзоръ литературы.“

Осмѣлился ли бы пятнадцать лѣтъ назадъ пѣвецъ, выводящій рулады въ „Помояхъ,“ воспѣвающій сѣрую природу и Романовъ домъ, высовывать свой неопрятный носъ съ такимъ апломбомъ?

*) Невыносимо саркастическая кличка, часто пускаемая въ ходъ Суворинымъ и Комп.

Неужели цѣлые вѣка отдѣляютъ насъ отъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева, Зайцева и пр. пр.??

Въ томъ же „Новомъ Времени," съ тою же уморительною заносчивостью, Евгеній Марковъ заявляетъ, что пора критикамъ „Отеч. Зап." и „Вѣстн. Европы" узнать его направленіе; что онъ, хвала всевышнему, птица въ литературѣ извѣстная. Евг. Марковъ около 25 лѣтъ пишетъ фельетоны, фабрикуетъ романы и подъ часъ гиды, но, на сколько мнѣ помнится, ни одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ критиковъ никогда не причислялъ его къ корифеямъ литераууры; изъ печальной клички: талантливаго сотрудника онъ — увы! — не выходилъ. Что же касается до направленій или вождѣленій этого шалуна, то ихъ опредѣлить не только трудно, но и невозможно, по той простой причинѣ, что ни направленія, ни убѣжденія у Евг. Маркова не было и никогда не будетъ. Всѣ его критическія поползновенія — „безтолочь родная"; утромъ онъ лжелибералъ, полуславянофилъ къ обѣду, полный камердинеръ на сонъ грядущій. Только Россія, съ ея вѣчно задавленною прессою, абсолютизмомъ, держимордствомъ и гнуснымъ рабствомъ, можетъ порождать такихъ неряшливыхъ, дряблыхъ писакъ.

Родись Евг. Марковъ во Франціи, онъ, послѣ всѣхъ ухаживаній за Бонапартомъ, въ концѣ концовъ, пристроился бы къ заднимъ рядамъ опортюнистовъ, заполучивъ мѣстечко въ провинціи, онъ строчилъ бы ежедневно дифирамбы Гамбеттѣ и пылкія анаѳемы противъ радикаловъ и соціалистовъ. Пройдошеское лавированіе между всѣми направленіями онъ выдавалъ бы чуть не за политическую мудрость; гибкость спины — за гибкость ума; глубокую, лакейскую трусость — за глу-

бокій анализъ. Между вполнѣ отживающимъ и начинающимъ сильно жить всегда кишатъ слизняки; липкою слюною они силятся скрѣпить расшатывающійся старый міръ.

Въ нашемъ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ, въ которомъ перепутаны всѣ понятія, даже азбучныя о чести и справедливости, Е. Марковы представляютъ еще болѣе безобразное явленіе, они стараются всегда попасть въ правительственное теченіе, конечно, не женируясь его крайнею пахучестью и въ дни патріотическихъ вакханалій, они далеко оставляютъ за собою самыхъ заматерѣлыхъ реакціонеровъ. Скрѣпитесь, прочтите любую статью Евг. Маркова въ „Русской Рѣчи“ и первый попавшійся фельетонъ, гдѣ онъ говоритъ о нашей революціонной молодежи и вы тотчасъ же увидите, что никогда Мещерскому, Цитовичу, Каткову не удавалось, не смотря на всю ихъ отпѣтость, дойти до такого собачьяго лизанья и собачьяго загрызанія. Прочти Марковъ свой гимнъ „У Голгофы“ („Русская Рѣчь“ 1881, мартъ) палачу Фролову, и онъ навѣрное харкнулъ бы ему въ самую середину лица, найдя, что отъ его пасоса очень ужъ несетъ женымъ человѣчьимъ мясомъ, гробомъ, эшафотомъ, гнилою веревкою.

Если русское правительство не вознаградило Маркова, оно свершило неслыханный поступокъ, — такая черная неблагодарность отпадитъ отъ него талантливыхъ сотрудниковъ, и полицейскій участокъ совсѣмъ опустѣетъ; ему необходимо что нибудь подарить, хотя я и увѣренъ, что онъ костьми легъ платонически.

III.

Моя статья была окончена, когда я получилъ письмо изъ Сибири. Оно составитъ роскошное pendant къ потѣшной сказочкѣ кн. Юрьевской. За достовѣрность свѣдѣній мы вполнѣ ручаемся. Помѣщаемъ письмо, не измѣнивъ въ немъ ни единаго слова.

„Въ 2 часа ночи на 1-ое мая возлѣ политической тюрьмы на Нижней Карѣ раздались послѣдовательно одинъ за другимъ два выстрѣла; стрѣляли по человѣку, вылѣзавшему изъ мастерской, находящейся за полями. Вслѣдъ за тѣмъ въ тюрьму пришла экстренная повѣрка и констатировала побѣгъ 9-ти человѣкъ (Мышкина, Хрущова, Боломеза, Войнаральскаго, Левченка, Юрковскаго, М. Диковскаго, Хржановскаго и Минакова). Побѣгъ этотъ до такой степени встревожилъ питерское начальство, что даже губернатора Ильяшевича хотѣли уволить въ отставку, если не всѣ бѣжавшіе будутъ пойманы (20 апрѣля Ильяшевичъ и Галкинъ-Врасскій ревизовали тюрьму и нашли все въ отличномъ порядкѣ). Чтобы смягчить отвѣтственность за побѣгъ, а также чтобы насолить каторжанамъ, начальство возымѣло намѣреніе устроить бунтъ [„развѣ молъ за такими буйными людьми, при существующей инструкціи — довольно мягкой — возможно усмотрѣть“?]. 4-го мая политическимъ каторжанамъ предъявили ничѣмъ немотивированное предписаніе завѣдующаго Поталова обрить ихъ.. Каторжане заявили, что во 1-хъ по министерской инструкціи брить ихъ не полагается, а во 2-хъ эта инструкція можетъ быть измѣнена только министромъ же, а не завѣду-

ющимъ, а потому каторжане отказались исполнить требованіе Поталова, а на случай насилія приняли нѣкоторыя мѣры. Замѣтивъ это, начальство 6-го мая официально увѣдомило каторжанъ, что они могутъ быть спокойны, такъ какъ никакого насилія надъ ними произведено не будетъ. Прошло 5 дней; все оставалось по прежнему, каторжане, дѣйствительно, успокоились.

Въ 3 часа ночи 11-го мая 6 казацкихъ сотенъ подъ предводительствомъ Ильяшевича, Руденко (казацкій полковникъ) и Поталова и съ вѣдома Галкина окружили тюрьму, заняли всѣ корридоры и камеры и бросились на спящихъ. Былъ сперва произведенъ генеральный обыскъ, затѣмъ каторжанъ переодѣли въ казенное платье и вывели изъ тюрьмы, разбивъ на 5 частей. Казаки вошли въ пустую тюрьму и начался генеральный грабежъ имущества заключенныхъ. Сотенные начальники не отставали отъ рядовыхъ и брали себѣ болѣе цѣнныя вещи (Руденко, ведя казаковъ на приступъ, говорилъ имъ: „возьмите тюрьму и все будетъ ваше“). Отобравъ отъ плѣнныхъ буквально всѣ вещи (даже карточки), 26 человѣкъ отправили на Усть-Кару, сколько-то на Верхнюю-Кару, на Среднюю и на Амуръ (названіе тюрьмы). Казаки, поощряемые начальствомъ, ругали, толкали арестованныхъ и т. п. Когда же нѣкоторые изъ отправленныхъ на Усть-Кару стали отвѣчать оскорбленіями на оскорбленія, то былъ отданъ приказъ: „Если кто изъ нихъ (конвоируемыхъ) скажетъ хоть одно грубое слово, бейте ему голову на 4 части.“ Недовольствуясь этимъ, велѣли связать плѣннымъ руки назадъ, что и было мгновенно исполнено. Въ такомъ видѣ несчастные шли до Усть-Кары, осыпаемые ругательствами и толчками. Оставшіеся на

Нижней-Карѣ, по окончаніи грабежа сѣли обѣдать. Въ это время пришли Поталовъ и Руденко съ казаками. Орловъ обратился за разъясненіемъ этой исторіи. „Молчать!“ былъ ему отвѣтъ. Орловъ отвѣтилъ дерзостью; на него бросились казаки и стали бить прикладами. Затѣмъ понесли на рукахъ въ карцеръ, причемъ Руденко самъ билъ его и приказывалъ дѣлать тоже казакамъ. Что касается остальныхъ товарищей, находившихся въ одной камерѣ съ Орловымъ, то на нихъ также набросились казаки и били прикладами. Когда бойня окончилась, Поталовъ самодовольно заявилъ: „Вотъ какъ производятъ повѣрку!“ Затѣмъ отправились въ другую камеру. Бобоховъ сидѣлъ, когда вошло начальство. „Поднять его за волосы!“ закричалъ Руденко, и Бобоховъ, схваченный за волосы, былъ осыпанъ ударами прикладовъ. Тогда Старынкевичъ и Ястрембскій, схвативъ доски, пустили въ Руденко, но промахнулись. Казаки бросились на нихъ и на другихъ, и такъ усердно били прикладами, что одинъ изъ казаковъ сломалъ прикладъ. Особенно досталось Старынкевичу. Затѣмъ отобрали книги, чай, табакъ и посадили на казенную до нельзя отвратительную пищу (баланда съ тухлой рыбой и тухлый хлѣбъ), причемъ карійцевъ посадили въ маленькія одиночки по два, по три человѣка; гулять не выпускали, бѣлья не мѣняли, наръ и подставокъ не давали, приходилось дни и ночи лежать и при томъ на одномъ халатѣ; свѣчей не давали. У женщинъ отобрали всѣ вещи, книги и проч. Больныхъ не лечили и лекарствъ не давали. Властопуло послѣ этой исторіи помѣшался на томъ, что его рѣжутъ, давятъ. Прошло двѣ недѣли, учинили голодовку. Тогда разрѣшили покупать чай, табакъ и вообще пищу. Черезъ двѣ же недѣли

послѣ этого (по пріѣздѣ жандармскаго маіора Холтурина въ качествѣ завѣдующаго политическими) каторжанамъ было объявлено, что всѣ они — подсудимые и обвиняются въ укрывательствѣ; что всѣ издержки (23,000) по поимкѣ бѣжавшихъ будутъ взысканы съ карійцевъ вообще и потому деньги послѣднихъ, библіотека и оставшіяся отъ грабежа вещи конфискуются. Затѣмъ каторжанъ снова посадили на одну казенную пищу, предварительно обривъ по одиночкѣ. „Я заморю ихъ“, говорилъ Холтуринъ.

Теперь положеніе дѣлъ на Карѣ таково: тюрьма раздѣлена на маленькія камеры, въ которыхъ едва помѣщается 6, 7 человѣкъ. Всѣ обриты и въ кандалахъ, а нѣкоторые въ наручникахъ или въ тачкахъ (Попко, Березнюкъ, Ѳомичевъ) ни книгъ, ни газетъ, ни писчей принадлежности не даютъ. Гулять не пускаютъ. Деньги, вещи, книги конфискованы; присылаемыя деньги не выдаютъ и посылки начальство беретъ себѣ. Обращеніе грубое. Часто дѣлаютъ обыски (въ началѣ по два раза въ день). Писать письма нельзя. Хотятъ выслать женщинъ, добровольно послѣдовавшихъ за политическими преступниками. 22 человѣка уже окончили сроки, но ихъ не выпускаютъ. Холтуринъ говоритъ: „Въ Россіи свои сроки, а у насъ свои!“ Работы въ мастерской не даютъ. Больныхъ не лечатъ, хотя ихъ очень много, особенно цынгой. Женщины въ такомъ же положеніи, только имъ позволяютъ тратить свои деньги; женщины посылаютъ мужчинамъ чай и табакъ. Изъ женщинъ больны: Брюшковская, Ковальская, Колѣнкина, Лешернъ и Левенсонъ. Изъ мужчинъ особенно сильно больны: Тихановъ, Юрковскій, Диковскій, Богдановичъ, Старынкевичъ, Іоновъ и другъ. Старынкевичъ и Ястрем-

скій судятся за сопротивленіе властямъ. Особенную ненависть всей Кары заслужили: Холтуринъ. Дуденко, Ильяшевичъ, Галкинъ-Враскій и Поталовъ.

Кошницевъ, Веймаръ. Михайловъ и Трощанскій здоровы. Преображенскій сильно похудѣлъ и здоровье его плохо. По распоряженію Анучина дали 100 розогъ содержащемуся въ политической тюрьмѣ Циплову. Холтуринъ, производившій это сѣченіе, кричалъ: „бейте, сильнѣе бейте, эту сволочь убивать надо!“ Богомольскій, Ковальская, Щедринъ, Ивановъ, Волошенко, Поповъ, Рацинскій. Кобылянскій и Геллисъ считаются наиболѣе виновными въ сопротивленіи властямъ на Карѣ. Всѣ обриты, блѣдные, замученные и въ кандалахъ, везутъ ихъ въ Новогіоргіевскую крѣпость въ 25 верстахъ отъ Варшавы. Всѣ бѣжавшіе пойманы и прикованы къ стѣнѣ.

Лешернъ повѣсилась, Брюшковская съѣла нѣсколько растворенныхъ пачекъ спичекъ, но ее спасли.

Всѣ эти факты неопровержимы, вѣрны.“

. . . . . .

Прибавить отъ себя къ этимъ страшнымъ страницамъ мы ничего не въ силахъ. Кровь подступаетъ къ горлу; тутъ не слова нужны, но новыя бомбы, мины, новыя, всемогущія орудія разрушенія.

Противники террора! что скажете вы намъ по прочтеніи документа? Неужели холопская лимфа не закипитъ, и изъ дрянненькой душенки не вырвется вопль безпощадной мести!?!?

П. Алисовъ.

Октябрь, 1882.